

ПОД СНЕГАМИ

Иногда, чтобы обрести силу,
нужно столкнуться с тем, от чего бежал.

Ты не получишь свою силу,
пока не победишь своего духа.

АВТОР
АНАСТАСИЯ ЯКУНИНА

Анастасия Якунина

Под снегами

«Автор»

2026

Якунина А. Д.

Под снегами / А. Д. Якунина — «Автор», 2026

«Под снегами» — фантастический роман о двадцатилетней исследователице Эваре, которая семь лет жила с виной за побег из школы магии и однажды проваливается сквозь снег в таинственный подземный мир. Там она вынуждена вернуться к тому, от чего бежала — к школе, к прошлому и к пустой карточке, которую так и не успела получить. В мире книги каждый ребёнок рождается с даром, но настоящая сила открывается лишь тому, кто победит своего духа — воплощение самого страшного кошмара. Роман о вине и прощении, о системах которые ломают людей из страха перед их силой, и о том, что настоящий враг иногда идёт рядом с тобой к одной и той же двери.

© Якунина А. Д., 2026

© Автор, 2026

Анастасия Якунина

Под снегами

Под снегами

Глава 1. Долина

Снег здесь был другим.

Не тем лёгким, почти невесомым снегом, что выпадает в городах и тает к утру, оставляя после себя только мокрые следы на асфальте. Здесь он лежал плотно, тяжело, как будто земля решила однажды накрыться белым и больше не просыпаться. Сугробы доходили до пояса, местами — до плеч, и каждый шаг давался с трудом, с глухим хрустом, со скрипом, от которого ломило зубы.

Долина тянулась во все стороны, насколько хватало взгляда, и казалась настолько огромной, что человеческий глаз отказывался верить в её размеры. Склоны по обеим сторонам поднимались плавно, без острых выступов — округлые, обтекаемые, отполированные ветром и временем до состояния гладкой кости. Кое-где из-под снега проступали тёмные прожилки скальной породы — узкие, как трещины на старой посуде, расплзающиеся вверх по белому полотну склона. Они не нарушали впечатления — наоборот, делали долину похожей на что-то живое, на огромное тело, покрытое сетью вен под белой кожей.

Снег не был однородным. У подножия склонов он лежал плотными надувами, твёрдыми сверху и рассыпчатыми внутри — наступишь, и нога проваливается неожиданно глубоко, будто корка обманывает, прикрывая пустоту. В низинах снег был мягче, рыхлее, и идти по нему было легче, хотя именно там он чаще всего набивался за голенища ботинок. На открытых местах, где гулял ветер, поверхность покрывал тонкий ледяной наст — он хрустел под подошвами с особым, стеклянным звуком, отличным от глухого хруста плотного снега.

Эвара шла третьей в цепочке.

Впереди протаптывал путь Арен — широкоплечий, молчаливый, с рюкзаком, настолько набитым приборами, что казалось, он вот-вот опрокинется назад. За ним шла Лисса, которая что-то бормотала себе под нос, сверяясь с картой, нарисованной от руки на куске плотной бумаги. Позади Эвары — Тобиас и Рен, переговариваясь вполголоса о чём-то, что её не касалось.

Пятеро исследователей в белой долине. Больше здесь не было никого.

— Ещё два часа, — сказала Лисса, не оборачиваясь. — Если верить карте, туннели начинаются сразу за тем хребтом.

— Карте уже три года, — отозвался Тобиас.

— Горы за три года не переехали.

Эвара не вмешивалась. Она смотрела по сторонам.

Долина была огромной — настолько, что противоположные склоны казались нарисованными, плоскими, как декорация в театре. Расстояние здесь обманывало — то, что казалось в полчасе ходьбы, на деле оказывалось часами пути, и наоборот, далёкие хребты иногда внезапно оказывались совсем рядом, вырастая из белизны без предупреждения. Небо над долиной висело низко, тяжёлое, цвета старого серебра — без единого просвета, без единой тени облака, просто сплошная матовая поверхность, как будто весь мир был закрыт крышкой.

Ни птицы, ни ветра. Только скрип снега под ногами и дыхание пятерых людей, которое клубилось в морозном воздухе маленькими белыми облачками, поднималось вверх и медленно растворялось.

Иногда долина издавала звуки — далёкие, низкие, похожие на дыхание. Эвара слышала их несколько раз за утро: глухой гул где-то в толще горы, будто снег внутри проседал, перераспределялся под собственным весом. Каждый раз вся группа замирала на секунду, прислу-

шиваясь — и каждый раз звук затихал так же внезапно, как появлялся, не оставляя ничего, кроме лёгкой дрожи под ногами.

Сами склоны вблизи оказывались совсем не такими гладкими, как издали. Снег на них лежал волнами — застывшими, будто ветер однажды дул сильно и долго, а потом резко остановился, оставив рисунок на память. В этих волнах прятались тени — синеватые, глубокие, меняющие оттенок в зависимости от того, под каким углом падал тусклый дневной свет. Местами из снега торчали обломки камня — острые, тёмные, припорошенные сверху, как будто гора время от времени выталкивала наружу куски собственного скелета.

Первый туннель показался ближе к полудню — тёмный провал в белом склоне, такой ровный, будто кто-то очень большой взял и выдавил его пальцем. Края были оплавлены, как от тепла, хотя никакого тепла здесь быть не могло. Снег вокруг входа был спрессован плотнее, чем везде вокруг — гладкий, почти зеркальный, отражающий серое небо узкой дугой.

— Вот это да, — тихо сказал Арен.

Вся цепочка встала. Они молча смотрели на туннель — метров пять в высоту, не меньше. Изнутри туннель уходил вглубь склона под едва заметным углом вниз, и дальше, в нескольких метрах от входа, темнота становилась абсолютной — свет не проникал дальше определённой границы, будто там, внутри, заканчивался не только день, но и сама способность света существовать.

— Записываем координаты, — сказал Тобиас, доставая блокнот.

Арен отошёл к Эваре и протянул термос. Она взяла, сделала глоток — горячий чай, слишком сладкий, как всегда просила.

— Ты как? — спросил он.

— Нормально.

— Ты молчишь с самого утра.

— Я всегда молчу.

— Не так.

Она посмотрела на него. Арен смотрел в ответ — спокойно, без нажима, просто ждал. Он умел так — быть рядом, не давя. Это было одним из лучших его качеств.

— Просто думаю, — сказала она наконец.

Он кивнул и не стал спрашивать дальше.

Эвара вернула термос и снова посмотрела на долину. На туннели в белых склонах. На тишину, которая здесь была особенной — не пустой, а наполненной. Как будто что-то большое затаилось и дышало, и это дыхание было самой тишиной.

Она любила такие места. Именно за этим и стала исследователем.

Лагерь разбили у подножия склона, в небольшой ложбине, защищённой от ветра.

Само место Эвара заметила издалека — небольшое понижение рельефа, окружённое с трёх сторон снежными надувами выше человеческого роста, естественная стена, за которой ветер почти не чувствовался. Здесь снег был более плотным, утрамбованным — видно было, что когда-то ложбину уже использовали как укрытие, может быть, год назад, может, десять — следы прошлых стоянок давно занесло, но форма снега всё ещё хранила память о них.

Тобиас и Рен ставили палатки, вбивая колья глубоко в наст — приходилось бить несколько раз, прежде чем металл находил опору под верхним слоем льда. Лисса разворачивала измерительные приборы на раскладном столике, который тут же начал покрываться тонкой изморозью. Арен варил на горелке что-то горячее и пахучее — пар от кастрюли поднимался вверх белым столбом и тут же исчезал, будто воздух вокруг был слишком холодным, чтобы позволить пару существовать дольше секунды.

Эвара сидела чуть поодаль, на плоском камне, торчащем из снега, и записывала в блокнот первые наблюдения: форма туннелей, направление, расстояние между ними. Туннели были выкопаны хаотично, но направление было вглубь снежной горы. Кто бы ни прорыл их, это существо двигалось по одному и тому же маршруту. Снова и снова, но с разных сторон.

Она подняла голову и посмотрела на склон над лагерем. В вечернем свете — если это можно было назвать вечерним светом, потому что серебристое небо не меняло оттенка ни утром, ни днём, ни сейчас — снег на склоне казался отполированным, гладким, как будто кто-то прошёлся по нему гигантской ладонью. Тени от неровностей рельефа стали длиннее, синее, и в этих тенях, как показалось Эваре на секунду, что-то двигалось — медленно, почти незаметно. Она присмотрелась. Ничего. Только снег и тишина.

— Ужин готов, — позвал Арэн.

Она закрыла блокнот и пошла к огню.

За едой говорили о завтрашнем дне — о том, как далеко заходить в туннели, нужно ли брать с собой световые маяки, стоит ли разделиться. Рен был за разделение. Тобиас — категорически против. Лисса молчала, что обычно означало согласие с Тобиасом.

Эвара слушала и думала, что они все хорошие люди. Разные, шумные, иногда раздражающие — но хорошие. Она была рада что пришла сюда именно с ними.

Стемнело — если это можно было назвать темнотой. Серебристое небо не почернело, просто стало темнее, гуще, будто кто-то добавил в него ещё один слой серого. Снег вокруг лагеря, наоборот, словно засветился слабым голубоватым светом — отражая то небольшое, что оставалось от дня, и удерживая это свечение дольше, чем казалось возможным.

За стенками ложбины стояла белая долина.

Тихая. Огромная. Ждущая.

Конец первой главы.

Глава 2. Следы

Утро пришло серым и тихим.

Эвара проснулась раньше всех — как обычно. Она лежала в спальном мешке и слушала тишину за стенкой палатки, такую плотную, что казалось, можно было потрогать её рукой. Потом встала, оделась и вышла наружу.

Долина не изменилась. Те же белые склоны, те же тёмные провалы туннелей, то же тяжёлое серебряное небо. Только свет стал чуть другим — мягче, будто кто-то убавил яркость. Вечерашние волны на снегу, застывшие рисунки ветра, теперь казались более глубокими — тени в их складках налились синевой, как чернила, медленно растёкшиеся по бумаге за ночь.

Воздух был неподвижным. Ни малейшего движения — ни дымка, ни шороха, ничего, что подсказало бы, есть ли вообще ветер в этом мире, или он существует здесь только как воспоминание, как нечто, что когда-то было и забыло вернуться. Дыхание Эвары клубилось перед лицом и медленно оседало на ткани капюшона мелкими белыми кристалликами.

Она обошла лагерь по кругу — просто так, по привычке. Проверила крепления палаток — растяжки за ночь покрылись тонкой корочкой льда, хрупкой, рассыпающейся в пальцах при первом касании. Убедилась что приборы Лиссы не занесло снегом за ночь — их укрывал

брезент, на котором уже образовался небольшой сугроб, аккуратный, как насыпанный сахар. Остановилась у края ложбины и посмотрела на долину.

Что-то было не так.

Она не сразу поняла что именно. Просто ощущение — лёгкое, как царапина. Что-то изменилось с вечера. Что-то в том, как лежит снег. Как распределяется тень.

Потом увидела.

След.

Один. Чёткий. Прямо у края ложбины — там, где вчера вечером снег был нетронутым, гладким, отражавшим остатки дневного света.

Эвара подошла ближе и присела на корточки.

След был размером с небольшой стол.

Края его были на удивление чёткими — снег не осыпался, не оплыл, как осыпается обычно подмятый снег. Он был спрессован равномерно, плотно, с отпечатком чего-то широкого и тяжёлого, продавившего наст глубоко — на полметра, может больше. Внутри отпечатка снег был более тёмным, плотным, почти серым — будто что-то выдавило из него весь воздух одним движением.

Она долго смотрела на него, не двигаясь. Потом медленно поставила рядом свою ладонь — просто чтобы сравнить. Её рука терялась внутри отпечатка, как камешек в миске.

— Эвара?

Арен стоял у палатки и смотрел на неё. Она молча указала вниз.

Он подошёл. Посмотрел. Помолчал довольно долго.

— Это было здесь ночью, — сказал он наконец.

— Да. Пока мы спали.

Они оба смотрели на след, и Эвара думала о туннелях — таких высоких, таких ровных, выдавленных в склоне с такой лёгкостью. И о том, каким должно быть существо, которое оставляет такие следы.

Через четверть часа все пятеро стояли над следом.

Лисса достала измерительную ленту и работала молча, сосредоточенно, с таким видом, будто огромный ночной гость был просто интересной задачей. Тобиас фотографировал — щелчки затвора звучали неестественно громко в окружающей тишине, отражаясь от склонов еле слышным эхом. Рен стоял чуть поодаль и смотрел на долину — туда, куда уходила цепочка таких же следов, постепенно теряясь в снегу.

Эвара проследила за его взглядом. Следы шли от туннеля, огибали ложбину широкой дугой и возвращались обратно. Сама дуга была неровной — местами следы располагались близко друг к другу, словно существо замедлялось, останавливалось, разворачивалось на месте; местами — далеко, как будто оно ускорялось, почти бежало. Снег между следами был нетронутым, идеально гладким, и от этого вся картина выглядела как чей-то странный, нечитаемый узор, прочерченный поверх белого полотна долины.

Существо прошло рядом с ними ночью — совсем рядом — и ушло.

— Оно нас изучало, — сказала Лисса, не поднимая головы от ленты.

— Или просто шло мимо, — возразил Тобиас.

— С такими размерами — нет. Если бы оно просто шло мимо, оно бы не огибало лагерь дугой. Оно остановилось. Несколько раз.

Тобиас посмотрел на неё, потом снова на следы, и ничего не ответил.

Эвара отошла от следа и начала осматривать периметр. Там, где цепочка уходила ближе к склону, снег был потемневшим — пропитанным чем-то, что издали выглядело как вода, но

пахло иначе. Пятно было неровным, вытянутым, и в центре его снег провалился чуть глубже, образовав небольшую ямку с тёмными краями. Резко. Густо. Живо.

Она остановилась над этим пятном и некоторое время просто дышала этим запахом, пытаясь определить его. Не кровь. Не пот. Что-то другое — незнакомое, но отчётливо животное. В морозном воздухе запах держался плотным облаком, не рассеивался, как будто холод запечатал его здесь, в этой точке снега, и не собирался отпустить.

— Что это? — Рен подошёл сзади и тоже принялся.

— Не знаю, — призналась Эвара. — Я такого раньше не встречала.

— Хороший знак или плохой?

— Давайте сначала позавтракаем, — перебил разговор Арен. — На голодный желудок ничего путного не придумаем.

Они вернулись к лагерю — все пятеро, поглядывая через плечо на цепочку следов, которая теперь казалась частью пейзажа, как будто была здесь всегда. Арен разжёл горелку, и вскоре над кастрюлей снова поднимался пар, тут же истаивая в холодном воздухе.

Ели молча первые несколько минут — каждый думал о своём, и было видно это по лицам: Лисса хмурилась, глядя в сторону следов, Тобиас вертел в руках камеру, проверяя, Рен жевал медленно, явно не чувствуя вкуса.

— Если оно вернётся, — сказал наконец Тобиас, — нам нужно знать, чего ожидать.

— Оно не агрессивное, — сказала Лисса. — Иначе оно бы не обходило нас дугой. Оно подходило близко — и не тронуло. Дважды, может, трижды за ночь, если судить по следам.

— Или оно ждало, — возразил Рен. — Ждало пока мы все будем в палатках. Удобный момент.

— Тогда почему не напало ночью?

— Не знаю. Может, ждёт чего-то другого.

Эвара слушала это и записывала в блокнот — не их слова, а свои собственные мысли. Пятно с резким запахом. Дуга следов. Размер отпечатка. Она пыталась сложить из этого что-то целое, какую-то картину поведения — но кусочки не складывались, как будто им не хватало чего-то важного, какого-то контекста, которого у неё пока не было.

— Что бы это ни было, — сказал Арен, — оно умное. Существа такого размера обычно не бывают умными — масса требует слишком много энергии, мозг такого объёма редко себя окупает. Но дуга вокруг лагеря — это не инстинкт. Это решение.

— Записываем как гипотезу, — сказал Тобиас, доставая блокнот. — Существо демонстрирует целенаправленное поведение, избегает прямого контакта, исследует периметр стоянки.

— Звучит так, будто оно пишет о нас отчёт, — фыркнула Лисса.

— Может, и пишет, — сказал Арен. — Своим способом.

Эвара чуть улыбнулась — впервые за утро. Она посмотрела на туннели в склоне, тёмные и неподвижные, и подумала, что где-то там, в глубине снежной горы, может быть, действительно есть что-то, что наблюдает за ними так же внимательно, как они наблюдают за ним.

— Я думаю, — сказала она, — нам нужно посмотреть туннели сегодня. Хотя бы первый. Пока светло.

— Согласен, — сказал Тобиас. — Соберём снаряжение через час.

Они продолжали обсуждать план — кто пойдёт первым, кто останется снаружи с рацией, сколько маяков взять с собой. Лисса разворачивала карту, придерживая её края от ветра, которого не было, но привычка осталась. Рен набивал рюкзак, проверяя крепления фонарей. Разговор шёл спокойно, обычно, как идут такие разговоры перед началом любой работы — с шутками, с короткими спорами, с паузами, в которых каждый думал о своём.

— Если внутри окажется что-то живое, — сказал Рен, — я голосую за то, чтобы сначала сфотографировать, а потом убегать. В таком порядке.

— Логично, — кивнул Тобиас. — Хотя на практике обычно получается наоборот.

— На практике у меня обычно нет времени достать камеру.

— Вот именно поэтому...

Он не закончил.

Звук пришёл справа — резкий, как треск ломающегося дерева. Потом тишина. Потом ещё один — глубже, утробнее, похожий на выдох чего-то очень большого.

Все пятеро замерли.

Эвара медленно повернула голову.

Из-за гряды сугробов вылетел белый вихрь.

Существо двигалось быстро — невозможно быстро для своих размеров. Огромное, лохматое, с густой шерстью такой белизны, что на снегу его почти не было видно — только тёмные глаза и тёмные подушки лап выделялись на фоне белого, как два десятка пятен, несущихся к ним сквозь сверкающую снежную пыль, которая взлетала из-под лап целыми облаками и медленно оседала позади, искрясь в сером свете.

Оно несло на двух ногах, при каждом прыжке опираясь на руки — что-то среднее между гориллой и медведем, только больше. Намного больше. Морда широкая, ноздри раздуты, большие клыки росшие из нижней челюсти, тёмные блестящие глаза.

Прямо на них.

— Бежим! — крикнула Лисса.

Лагерь взорвался паникой.

Тобиас нырнул за ближайший сугроб, опрокинув по дороге штатив с камерой — тот воткнулся в снег и медленно завалился набок, погружаясь в него. Лисса схватила Рена за рукав и потянула к туннелю — он споткнулся, едва не упал, выровнялся. Арен что-то крикнул Эваре — она не разобрала что, потому что уже бежала.

Снег хватал за ноги. Каждый шаг был как движение сквозь вату — медленно, тяжело, с проваливанием по колено. Эвара дышала ртом, воздух обжигал горло, за спиной нарастал звук — глухие удары лап, фонтаны снега, низкое рокочущее дыхание.

Близко. Слишком близко.

Она оглянулась — и увидела существо в нескольких прыжках от неё. Огромное. Белое. Оно несло прямо к ней, и его глаза — тёмные, блестящие — смотрели именно на неё.

Сейчас ничего не имело значения.

Она бежала дальше.

Глава 3. Падение

Эвара бежала, не думая о направлении.

Это была ошибка — она понимала это даже сейчас, в самый разгар паники, краем того холодного и наблюдательного угла сознания, который никогда не отключался до конца. Нельзя бежать без направления. Нужно выбрать ориентир, нужно знать куда, нужно —

Существо рыкнуло где-то совсем рядом, и все мысли вылетели из головы.

Она свернула влево — туда, где склон поднимался небольшим уступом, переходящим в нагромождение снежных глыб, похожих на застывшие волны. Если забраться, если найти расщелину, какой-нибудь выступ, куда оно не доберётся —

Снег здесь был совсем другим, чем у лагеря. Не плотным настом, который держал вес человека хотя бы поверхностно — здесь он лежал свежими, рыхлыми наносами, нанесёнными за ночь в эту складку рельефа, и каждый шаг проваливался глубже предыдущего. По колено.

По бедро. Каждый шаг отнимал вдвое больше сил чем обычно, и она чувствовала как устают мышцы, как воздух перестаёт помещаться в лёгкие, как тело начинает предавать её — медленно, неотвратимо.

Оглянулась снова.

Существо было в двух прыжках.

Вблизи оно было ещё больше, чем казалось издали. Шерсть — густая, длинная, абсолютно белая — развевалась при каждом движении, и в ней, как показалось Эваре на бегу, мелькали отдельные более длинные пряди, почти прозрачные, похожие на сосульки или ледяные иглы, вплетённые в мех. Оно двигалось легко, почти играючи, снег не был для него помехой — наоборот, оно несло по нему как по твёрдой земле, почти не проваливаясь, оставляя за собой широкую гладкую борозду, по краям которой снежная пыль ещё долго не оседала, кружилась, повисая в воздухе мелкой сверкающей дымкой. Эвара поняла, что уйти не получится. Не от этого.

В снег, — мелькнула мысль. — Закопаться. Спрятаться. Может, оно потеряет след.

Глупо. Она знала, что глупо — с таким обонянием оно найдёт её в любом сугробе. Но тело уже действовало само, раньше, чем разум успел возразить. Она упала на колени и начала грести руками — вперёд, вниз, вглубь. Снег поддавался, плотный и холодный, набивался в рукава, за воротник, в лицо, забивался в ноздри морозным крошевом, оседал в волосах лединками, которые мгновенно начинали таять от тепла тела и снова замерзать тонкой корочкой. Она зарылась по плечи и замерла, задержала дыхание, прижалась вниз.

Существо остановилось — она слышала его дыхание совсем близко, тяжёлое и ровное, с лёгким клокотанием где-то в глубине грудной клетки, будто внутри него работал какой-то медленный, огромный механизм. Потом — звук, который она не сразу опознала. Не рык. Не рокот. Что-то мягче, оно смотрело на холмик снега, под которым она пряталась.

Не двигайся.

Тишина растянулась на несколько секунд — или на несколько минут, она не могла сказать. В темноте под снегом, прижавшись лицом к ледяной крошке, Эвара слышала собственное сердце — громкое, бухающее, заполняющее весь мир, — и думала, что вот сейчас, именно сейчас, всё закончится.

А потом снег под ней провалился.

Не весь — только там, где она сидела. Небольшое отверстие, как будто кто-то аккуратно вырезал его снизу. Эвара не успела даже понять что происходит — просто вдруг не стало опоры, и она полетела вниз, и холодный белый мир над ней начал стремительно удаляться.

Она закричала.

Звук ушёл вверх и растворился где-то далеко.

Вокруг был только снег. Не темнота — именно снег. Она падала сквозь него как сквозь воду — плотный, белый, слепящий, обволакивающий со всех сторон полностью, без единого просвета. В первые секунды падения снег давил на неё со всех сторон одновременно — на грудь, на спину, на лицо — но не как тяжесть, а как давление воды на большой глубине, равномерное, мягкое, лишшающее ориентации. Эвара не понимала, где верх, где низ — единственным признаком движения было ощущение скорости, нарастающее, пугающее, как будто весь мир вокруг неё сжимался в одну белую трубу и тянул её вниз.

Он не обжигал и не давил, просто обволакивал со всех сторон, мягко и бесшумно, как будто долина проглотила её и теперь несла куда-то вниз по своему усмотрению. Эвара пыталась за что-то схватиться — но не получалось, за снег невозможно удержаться. Руки погружались в белизну и не находили опоры, пальцы скользили сквозь что-то одновременно плотное и неосязаемое, как будто она хваталась за облако.

Потом стало светлее.

Не постепенно — сразу, резко. Белизна вокруг сменилась золотом, снег расступился — и она вылетела в открытый воздух.

Тёплый воздух.

Она успела только зажмуриться — и приземлилась. Удар оказался мягче, чем она ожидала. Твёрдая поверхность, покрытая тонким слоем снега, который опустился с высоты вместе с Эварой — и теперь этот снег, попав в тёплый воздух, начал таять прямо на глазах, превращаясь в капли, скатывающиеся по тёмному камню тонкими блестящими дорожками. Несколько секунд она просто лежала, не двигаясь — сначала, потому что не могла, потом, потому что не хотела. Тело гудело, каждый сустав отзывался глухой болью, как после долгого падения с высокой лестницы. В голове шумело, в ушах звенело — высоко и тонко, постепенно затихая.

Она была жива.

Медленно открыла глаза.

Над ней было голубое небо.

Не то тяжёлое серебряное небо долины, которое давило сверху всё утро. Настоящее летнее небо — глубокое, тёплое, с ленивыми белыми облаками, которые медленно, почти незаметно, плыли куда-то вбок. Солнце светило прямо в лицо, и она почувствовала его тепло на щеке — живое, настоящее, совсем не зимнее. Где-то рядом, очень тихо, шелестело что-то — листва, может быть, или вода, она не могла сказать точно, но звук был мягким, многослойным, живым — звук, которого не существовало в долине наверху.

Эвара медленно села.

Растаявший снег уже впитался в камень тёмными пятнами, которые быстро сужались, исчезая под солнцем. Она была мокрой — одежда, волосы, всё — но холода почти не чувствовала, как будто тепло этого мира было сильнее, мощнее, забирало холод быстрее, чем тот успевал напомнить о себе.

Она сидела на крыше.

Огромной крыше из тёмного камня — старого, поросшего мхом, который здесь, на солнце, был ярко-зелёным, почти изумрудным, в отличие от тусклых, прибитых снегом мхов, которые она видела когда-либо. С башенками по углам — невысокими, круглыми, с острокопечными крышами, покрытыми такой же тёмной черепицей, как и сама крыша, на которой она сидела. С флюгерами в виде существ, которых она не встречала ни в одном справочнике — один из них, прямо над ближайшей башенкой, медленно поворачивался на еле заметном ветру, изображая что-то вроде крылатой ящерицы с длинным изогнутым хвостом, и тонко поскрипывал при каждом повороте.

Она осторожно встала и подошла к краю.

И замерла.

Под ней раскинулся целый мир — и он был летним.

Зелёные долины, густые леса с тёмными кронами, узкие тропинки, петляющие между холмами, едва заметные сверху — тонкие светлые нити, прорезающие зелень. Цветущие луга, на которых даже отсюда, с высоты, можно было различить отдельные яркие пятна — красные, жёлтые, синие, разбросанные среди трав без всякого порядка, как будто кто-то рассыпал краски. Маленькие домики с распахнутыми ставнями — крошечные, игрушечные на таком расстоянии, с дымком, поднимающимся над некоторыми трубами и тающим в воздухе. Мосты над неспешными реками — узкие, каменные, переброшенные через воду, которая блестела на солнце, как смятая фольга. Башни вдаль — высокие, тонкие, едва видимые в дымке, словно отмечающие границу этого мира где-то на самом краю.

Всё это жило, дышало, сверкало на солнце — тёплое, живое, настоящее лето.

А над всем этим — прямо над головой — снег.

Он висел как потолок. Как огромный белый купол, отделяющий этот летний мир от зимней долины, из которой она только что падала. Изнутри купол выглядел совсем иначе, чем снаружи — не серым, не тяжёлым, а светящимся, будто сквозь толщу снега проходил свет, рассеивался в нём, становился мягким и равномерным, заливая весь мир под собой ровным золотистым сиянием, как от огромного абажура. Два мира, разделённые слоем снега — и она только что прошла сквозь него насквозь.

Эвара стояла на краю крыши и не могла оторвать взгляд.

Потом что-то случилось внутри — тихо, почти незаметно. Не удивление. Не страх. Что-то другое.

Она знала этот замок.

Не помнила — именно знала. Тело знало прежде, чем разум успел догнать. Форму этих башенок. Запах камня, который поднимался снизу — тёплый, чуть пыльный, с лёгкой примесью чего-то растительного, мха или плюща, который, должно быть, оплетал стены где-то ниже, вне поля зрения. Звук, который она почти слышала — голоса в длинных коридорах, шаги на каменных лестницах.

Она была здесь.

Давно. Так давно, что воспоминание жило не в голове, а где-то глубже — в руках, в ногах, в том, как тело само знало куда смотреть.

Эвара закрыла глаза и просто дышала. Тёплый летний воздух. Запах травы и камня и чего-то ещё — сладкого, почти знакомого, похожего на цветочный мёд, но мягче, размытее. Чьи-то руки, поправляющие ей шарф. Смех где-то в коридоре. Свет свечей.

Она открыла глаза.

Мир под снежным куполом лежал перед ней — зелёный, солнечный, живой. И замок под её ногами молчал, как молчит всё старое и терпеливое, привыкшее ждать.

Она не знала ещё, что именно это место значит. Не знала, как сюда вернулась и почему именно сейчас — через провал в снегу, через падение, через белую слепоту. Но знала одно.

Это не было случайностью.

Такие вещи никогда не бывают случайностью.

Глава 4. Воспоминание

Спуститься с крыши оказалось проще, чем она ожидала.

Вдоль одной из башенок шла узкая каменная лестница — без перил, выбитая прямо в стене, с такими мелкими ступенями, что взрослый человек едва мог поставить на них полноценный шаг. Камень здесь был другим, чем на самой крыше — более светлым, гладким, отполированным то ли временем, то ли бесчисленными прикосновениями рук, которые держались за стену на протяжении многих лет. В трещинах между плитами пробивались тонкие стебли мха и какой-то мелкой травы с крошечными белыми цветками — они держались крепко, несмотря на то что лестница, очевидно, была частью внешней стены и должна была продуваться всеми ветрами.

Эвара спускалась медленно, прижимаясь спиной к стене, глядя вниз. Камень под руками был тёплым — не от солнца, а как будто изнутри, как будто замок сам был живым и держал тепло. Это тепло чувствовалось даже в тени, даже там, куда солнце явно не доставало — ровное, глубокое, как тепло большого спящего животного.

Она добралась до широкого карниза — здесь можно было идти почти не сгибаясь, карниз тянулся вдоль стены метров на десять, прежде чем обрывался у следующего выступа. Отсюда открывался вид вниз, в просвет между двумя крыльями здания — узкий внутренний двор, заросший плющом настолько густо, что под ним почти не было видно камня, только сплошная стена зелени, утыканная мелкими белыми цветами, такими же как на лестнице.

Потом она нашла балкон — небольшой, с каменными перилами, украшенными резьбой в виде переплетающихся листьев и каких-то длинных тонких существ, похожих на змей с крыльями. Резьба была старой, сглаженной, во многих местах детали почти стёрлись, но общий узор всё ещё читался — он повторялся, перетекая от одного столбика перил к другому, образуя что-то вроде непрерывной истории, рассказанной без слов.

Потом нашла дверь — тяжёлую, деревянную, тёмного дерева с глубоким, почти чёрным оттенком, с кованой ручкой в виде переплетённых ветвей. Металл ручки был холодным на ощупь, в отличие от камня, и от этого холода по руке пробежала странная дрожь — будто эта дверь была единственной деталью замка, которая не помнила её, оставалась чужой, нейтральной. Потянула.

Дверь открылась без скрипа.

За ней был коридор.

Длинный, с низким сводчатым потолком, освещённый рядами небольших светильников — не свечей, не ламп, просто светящихся шаров, подвешенных на тонких нитях, почти невидимых, так что казалось, будто шары парят сами по себе. Свет от них был мягким, без резких теней, золотисто-белым, похожим на свет позднего летнего вечера, даже если за окнами в этот момент был день. Шары покачивались от сквозняка, и тени на стенах двигались медленно, как дышали — то наползая друг на друга, то расходясь, создавая иллюзию, что сами стены чуть колыхнутся, как поверхность воды.

Стены были каменными, но не голыми — покрытыми резьбой. Растения, существа, узоры, которые при ближайшем рассмотрении оказывались не просто орнаментом, а чем-то вроде карты или истории, рассказанной без слов. Эвара остановилась у одного из участков стены и провела пальцами по линиям — холодный камень, гладкий от времени, с глубокими бороздами там, где резьба была старше, и более чёткими, острыми линиями там, где она, видимо, обновлялась позже. На одном участке она увидела изображение существ, похожих на Снежников — несколько фигур, идущих цепочкой через волнистые линии, обозначающие, вероятно, снег. На другом — узор из переплетающихся ветвей, складывающихся в подобие двери, очень похожей на ту, через которую она только что прошла.

Пол коридора был выложен крупными плитами тёмного камня, отполированными до блеска в центре — там, где проходило больше всего ног за долгие годы — и более тусклыми, шероховатыми по краям, у самых стен. В нескольких местах между плитами пробивались те же мелкие белые цветы, что росли на лестнице снаружи — крошечные островки зелени посреди камня, освещённые мягким светом шаров.

Эвара шла по коридору и не торопилась.

Она знала, что надо торопиться. Надо найти кого-нибудь, объяснить кто она и как попала сюда, выяснить как вернуться к группе — Арен наверняка уже ищет её, Лисса скорее всего уже составляет план действий а Тобиас паникует, хотя и старается не показывать.

...

Но ноги несли её вперёд, и она позволяла им.

Потому что коридор был знакомым.

Не в том смысле, что она помнила каждую деталь — нет. Скорее в том смысле, что тело шло без колебаний. На развилках оно само выбирало направление — поворот налево здесь казался единственно возможным, хотя справа коридор выглядел точно так же, с такими же шарами и такой же резьбой. У лестниц знало — вверх или вниз, хотя обе лестницы выглядели одинаково манящими, одинаково старыми. Она не думала куда идти. Просто шла.

По пути она миновала несколько дверей — закрытых, тёмных, с такими же коваными ручками в виде ветвей, как та, через которую она вошла. За одной из них, как ей показалось,

послышался тихий звук — не голос, что-то другое, мягкое, ритмичное, похожее на дыхание спящего существа. Она не остановилась. Шла дальше.

И шла — пока не остановилась перед большим окном в конце коридора.

За окном был двор.

Круглый, мощёный светлым камнем — каждая плита была чуть отличного оттенка от соседней, от почти белого до тёплого песочного, и вместе они складывались в узор, похожий на спираль, расходящуюся от центра двора к его краям. Двор был окружён со всех сторон стенами замка — высокими, с многочисленными окнами, многие из которых были открыты, и в некоторых покачивались на ветру лёгкие занавески, светлые, почти прозрачные.

В центре — большой фонтан, сейчас не работающий, с чашей, полной летней воды и плавающими в ней лепестками — розовыми, белыми, бледно-жёлтыми, нанесёнными, видимо, с ближайших деревьев. Сам фонтан был выполнен в виде нескольких ярусов, спускающихся каскадом — верхняя чаша, поддерживаемая фигурами тех же крылатых существ, что были изображены на флюгерах и резьбе, затем средняя чаша, шире первой, и, наконец, самая большая, нижняя, в которой собиралась вода со всех уровней. Сейчас вода в чашах стояла неподвижно, отражая небо, как несколько вложенных друг в друга зеркал.

Вокруг фонтана — скамейки, тёмного камня, с такими же резными узорами, как перила на балконе. Деревья в кадках — невысокие, с густой тёмной листвой, аккуратно подстриженные в форму шаров, расставленные симметрично по периметру двора. Между ними — дорожки, мощёные более мелким камнем, светлым, почти белым, ведущие от центра двора к арочным проходам в стенах.

И она вспомнила.

Ей было восемь лет, когда она впервые увидела этот двор.

Тогда фонтан работал — вода в нём поднималась высоко, почти до второго этажа, бьющим вверх столбом, который на самом верху рассыпался на тысячи мельчайших капель, разлетающихся широким конусом и падающих обратно в чаши с негромким, ровным шумом, похожим на дождь. В солнечные дни в этих брызгах жили маленькие радуги — они появлялись и исчезали в зависимости от угла, под которым смотришь, дробились, перемещались, и Эвара тогда думала, что внутри фонтана живёт что-то, что специально делает эти радуги, играя с ними, как с цветными стёклышками.

Эвара простояла перед ним, наверное, минут десять — просто смотрела, открыв рот, чувствуя на лице мельчайшие капли, оседающие прохладной плёнкой, пока кто-то сзади не взял её за плечо.

— Идём, — сказала женщина. — Опоздаем на собрание.

Это была госпожа Тавин — невысокая, с короткими тёмными волосами и очками на тонкой переносице. Она вела Эвару за руку через двор так деловито и уверенно, будто делала это каждый день. Может, так и было — может, она встречала каждого нового ученика именно так, этой же дорогой, этим же шагом, минуя фонтан, минуя скамейки, направляясь к одной из арок в дальней стене, за которой начинался очередной коридор, ещё более длинный и ещё более полный света от тех же парящих шаров.

Эвара тогда была слишком ошеломлена, чтобы задавать вопросы.

Она вообще не понимала, как здесь оказалась. Точнее — понимала формально: мама привела её к неприглядной двери в невзрачном переулке, сказала – тебе здесь будет лучше,

поцеловала в лоб и ушла, не оглядываясь. Эвара стояла перед дверью и думала, что мама, наверное, пошутила. Потом дверь открылась сама.

За ней был не переулочек.

За ней был снег.

Она шла по нему долго — одна, с маленьким рюкзаком, в котором лежали смена одежды и любимая книжка про морских существ. Снег был по колени, но идти было не холодно — как будто он не касался кожи по-настоящему, обтекал её, как будто между ней и снегом существовала какая-то невидимая прослойка воздуха, которая не пропускала холод дальше определённой границы. Вокруг была та же серебристая долина, которую она увидит снова спустя двенадцать лет — те же склоны, те же тени в складках снега, та же неподвижная тишина.

Потом снег кончился, и началось тепло, и она вышла к замку снизу, через маленькую калитку в стене — низкую, деревянную, со ржавой щеколдой, которая, впрочем, открылась легко, без усилия, едва она коснулась её рукой.

Госпожа Тавин уже ждала её там.

— Ты опоздала на двадцать минут, — сказала она без упрека, просто как факт.

— Я не знала, как быстро идти, — ответила Эвара.

— Теперь знаешь.

Это был их первый разговор.

Позже Эвара узнала, что госпожа Тавин была учителем природоведения — она преподавала существ и их повадки, карты подснежного мира, историю долин. Именно с неё началась Эварина любовь к существам — та самая, которая привела её в итоге в заснеженную долину двенадцать лет спустя с группой исследователей и блокнотом в кармане.

Но тогда, в восемь лет, она ещё этого не знала.

Тогда она просто шла за госпожой Тавин через двор и таранилась на фонтан.

В тот первый день в замке было много детей.

Разных — старше и младше, громких и тихих, уверенных и растерянных. Они толпились в большом зале, куда госпожа Тавин привела Эвару — зал был тем самым, который она увидит снова много лет спустя, с длинными столами и высоким потолком, но в тот день он был заполнен голосами, смехом, скрипом передвигаемых стульев, и свет из высоких окон падал на пол широкими светлыми полосами, в которых клубилась мельчайшая пыль, поднятая десятками детских ног.

Эвара сразу заметила мальчика, который стоял у стены и смотрел на всё с таким видом, будто уже всё понял и ему немного скучно. Потом он поймал её взгляд и неожиданно улыбнулся — быстро, почти незаметно.

Его звали Кай. Ему тогда было девять.

Он стал первым другом, которого она завела в замок — не потому, что они были похожи, а потому что оба предпочитали наблюдать, прежде чем говорить. Они нашли друг друга именно так — молча, с разных концов одной комнаты, не торопясь.

Была ещё Мира — рыжая, громкая, с таким запасом энергии, что рядом с ней все остальные казались сонными. Она говорила быстро, смеялась громко и умудрялась одновременно делать несколько вещей — жевать, рисовать и рассказывать историю, не теряя ни одной нити. Эвара сначала от неё уставала. Потом привыкла. Потом поняла, что Мира — один из тех редких людей, рядом с которыми мир становится немного более живым.

И был Дов — младший из всех, пришедший в замок в семь лет, что было рано даже по здешним меркам. Маленький, серьёзный, с такими большими глазами, что казалось, они занимают пол-лица. Он почти не говорил в первые месяцы. Просто ходил рядом, слушал, смотрел. Эвара иногда брала его за руку на прогулках — просто так, без слов — и он не отнимал.

Эти трое стали её миром в замке.

Первые месяцы были странными.

Замок жил по своим правилам, и эти правила нужно было не учить — их нужно было чувствовать. Некоторые двери открывались только в определённое время суток — Эвара помнила, как однажды весь день дёргала ручку одной из дверей в восточном крыле, уверенная, что та заперта, а вечером, проходя мимо, обнаружила её распахнутой, без всякой причины, без чьего-либо присутствия рядом. Некоторые коридоры меняли направление — не часто, не каждый день, но достаточно, чтобы нельзя было полностью им доверять; однажды коридор, который вёл к спальням, на следующее утро привёл их всех к кухне, и никто, кроме самых старших учеников, даже не удивился.

В библиотеке книги стояли не по алфавиту и не по темам, а по чему-то другому, чему у Эвары долго не было названия — позже она решила, что по настроению. Книга про существ, живущих в темноте, могла стоять рядом с книгой про грустные истории — не потому, что они были связаны темой, а потому, что обе вызывали похожее чувство. Эвара тогда подолгу бродила между полками, пытаясь угадать эту логику, и иногда ей казалось, что она почти улавливает её — а потом полки снова перестраивались, и всё начиналось заново.

Их учили многому.

Травы и их свойства — какие снимают усталость, какие лечат обморожение, какие, наоборот, вызывают сон настолько глубокий, что разбудить человека можно только определённым звуком. Карты подснежного мира — старые, на пергаменте, с надписями, сделанными разными почерками в разные эпохи, так что некоторые названия мест повторялись по несколько раз, слегка отличаясь друг от друга, как будто мир менялся быстрее, чем успевали обновлять карты. Языки существ — не слова, а жесты, запахи, позы; госпожа Тавин однажды целый урок провела, просто показывая, как наклон головы у одного вида существ означает приветствие, а у другого — угрозу, и как легко спутать одно с другим, если не знать точно. История замка и тех, кто жил в нём до них. Основы управления природной способностью — той слабой, врождённой, которая была у каждого с рождения.

Вот тут начиналось интересное.

У каждого ребёнка была своя. Кай мог гасить огонь — просто смотрел на свечу и она гасла, без усилий, как будто это было самое обычное дело. Мира чувствовала настроение людей ещё до того, как те успевали что-то сказать или сделать — она называла это фоном, говорила что у каждого человека есть фон, как у музыки. Дов слышал растения — не словами, что-то проще и глубже, какой-то базовый язык, который он сам не мог объяснить, просто знал где какому растению плохо и что нужно сделать.

А у Эвары долго не было ничего.

Или — она так думала.

Госпожа Тавин на третьем месяце попросила её остаться после урока.

Урок проходил в небольшой комнате с одним широким окном, выходящим на тот же сад, который Эвара увидит много лет позже — тогда, конечно, она этого не знала. За окном было раннее лето, и в открытую створку залетал лёгкий, тёплый воздух, пахнущий травой и чем-то цветочным. Остальные дети уже ушли — она слышала их голоса, удаляющиеся по коридору, постепенно затихающие.

— Расскажи мне про существо, которое ты видела вчера у южной стены, — сказала госпожа Тавин.

Эвара удивилась. Она никому не говорила про существо. Просто видела его мельком — маленькое, тёмное, быстрое, юркнуло под камень прежде, чем она успела рассмотреть.

— Откуда вы знаете?

— Потому что ты три раза сегодня посмотрела в сторону южной стены. — Госпожа Тавин сняла очки и протёрла их краем рукава — медленным, привычным движением, которое Эвара видела у неё уже множество раз. — Расскажи.

Эвара рассказала. Потом — неожиданно для себя — начала рассказывать ещё. Про другое существо, которое видела неделю назад у фонтана — оно сидело на краю чаши, маленькое, с длинными лапками, и пило воду, а потом исчезло так быстро, что Эвара не успела понять, в какую сторону. Про следы, которые находила по утрам на мощёном дворе — чьи-то, непохожие ни на что знакомое, маленькие отпечатки, расположенные так, будто их оставило что-то, передвигающееся прыжками. Про то что иногда чувствовала — ночью, лёжа в кровати — что рядом кто-то есть. Не страшно. Просто рядом — лёгкое присутствие, тёплое, как будто в комнате, кроме неё, дышит ещё кто-то маленький и невидимый.

Госпожа Тавин слушала, не перебивая.

— Ты их чувствуешь, — сказала она, когда Эвара замолчала. — Существ. Ты знаешь где они есть, ещё до того, как видишь. Ты это замечала?

Эвара подумала. Потом кивнула.

— Я думала это просто внимательность.

— Это не просто внимательность.

Это был первый раз, когда кто-то сказал ей что у неё есть что-то своё. Не пустое место, не отсутствие — а что-то. Слабое, да. Маленькое. Но настоящее.

Эвара тогда шла обратно в свою комнату по знакомым коридорам — мимо тех же светящихся шаров, мимо той же резьбы на стенах, которая теперь, казалось, смотрела на неё немного иначе — и чувствовала что-то тёплое в груди — не радость даже, что-то тише. Что-то похожее на «я здесь не зря».

Замок был домом.

По-настоящему — может быть, больше, чем любое другое место в её жизни до или после. Она просыпалась по утрам и слышала, как Мира уже гремит чем-то в соседней комнате, и знала, что через полчаса они вместе пойдут на завтрак. Знала, что Кай уже сидит где-нибудь в углу с книгой и делает вид, что не голоден. Знала, что Дов наверняка уже в саду, разговаривает с клумбой.

Были уроки и были вечера у камина — в большом зале с лепниной, где огонь разводили каждый вечер, независимо от погоды, просто потому что свет от него был особенно тёплым, оранжевым, и в этом свете все лица казались мягче. Были споры о том, чей дар сильнее — глупые, детские, без злобы, обычно заканчивающиеся тем, что кто-то демонстрировал что-то впечатляющее, а кто-то другой говорил, что это не считается. Были ночные вылазки в запретные части замка — не из хулиганства, просто интересно было что там; коридоры в темноте выглядели совсем иначе, светящиеся шары здесь горели тусклее, почти угасая, и тени становились длинными, изменчивыми, превращая знакомые повороты в нечто новое и немного жутковатое.

Была однажды страшная гроза, когда молния ударила в одну из башенок и они все четверо сидели в комнате Миры, накрывшись одним одеялом, и она рассказывала страшные до мурашек истории, пока не прекратился дождь. За окном тогда метался свет — то яркий, белый, на долю секунды освещающий весь сад до самой дальней стены, то снова темнота, и в этой темноте дождь барабанил по стеклу с такой силой, что казалось, будто кто-то снаружи кидает в окно горсти мелких камней.

Эвара помнила всё это не как отдельные события, а как единое ощущение — плотное, тёплое, надёжное. Ощущение что есть место куда можно вернуться. Что есть люди, которые тебя знают.

Она не понимала тогда, что это — редкость.

Не ценила так, как стоило бы.

Эвара отошла от окна.

Двор внизу был пустым и тихим. Фонтан не работал — вода в чашах стояла неподвижно, отражая небо. Деревья в кадках стояли на тех же местах — постаревшие, выросшие, их кроны теперь были гуще и темнее, чем она помнила, некоторые ветви свешивались за края кадок, почти касаясь земли. Тропинки между скамейками поросли мхом — тем же ярким, изумрудным мхом, который она видела на крыше, теперь забравшимся и сюда, в щели между плитами, образуя тонкие зелёные линии, расползающиеся по всему двору, как трещины.

Она не знала сколько времени простояла здесь — у окна, внутри воспоминаний. Долго. Достаточно долго, чтобы тень от башни успела сдвинуться на несколько метров, переместившись через половину двора, накрыв теперь фонтан там, где раньше была освещённая стена.

Где-то в глубине замка раздался звук.

Резкий, короткий — как хлопок. Потом ещё один. Потом тишина — и голос, неразборчивый, срочный.

Эвара выпрямилась.

Что-то происходило.

Она оттолкнулась от подоконника и пошла вперёд по коридору — туда, откуда доносился звук. Быстро, не раздумывая. Замок снова вёл её, и она снова позволяла.

Некоторые вещи тело не забывает.

Конец четвёртой главы.

Глава 5. Возвращение

Звук повторился — ближе, отчётливее.

Уже не хлопок. Что-то между треском и взрывом, с запахом горелого камня и чем-то острым, магическим — тем особым запахом, который она когда-то знала, но за семь лет почти забыла. Как запах дождя перед грозой, только другой. Гуще. Опаснее.

Эвара ускорила шаг.

Коридор вывел её на галерею — открытый балкон над главным двором, с резными перилами, сквозь которые был виден двор целиком. Она не добежала до перил двух шагов, остановилась — и увидела.

Двор был не пустым.

Их было трое. Тёмные плащи, лица закрыты, движения резкие и слаженные, как у людей которые делали это не первый раз. Они заходили с разных сторон, перекрывая выходы, и в руках у каждого было что-то — не оружие в обычном смысле, что-то другое, светящееся тусклым холодным светом.

В центре двора стояла Валдрина.

Эвара узнала её не сразу.

Прошло семь лет, и директор изменилась — не постарела, нет, что-то другое. Стала жёстче, собраннее, как будто годы убрали из неё всё лишнее и оставили только то, что не гнётся. Волосы — тёмные с широкими прядями седины — собраны строго. Осанка прямая. В правой руке — палочка, длинная, тёмного дерева, которую Эвара помнила ещё с детства.

Самая сильная в замке. Так говорили всегда.

Валдрина не бежала и не пряталась. Она стояла в центре двора и работала — спокойно, почти методично, отражая атаки одну за другой. Жест палочкой — и один из нападавших отлетел к стене. Ещё жест — щит, который принял на себя вспышку холодного света и погас, поглотив её. Она двигалась мало, сэкономила силы, выбирала точность вместо скорости.

Но их было слишком много.

Пока она разбиралась с одним — двое заходили с флангов. Пока закрывалась от двоих — третий менял позицию.

Эвара смотрела на это несколько секунд.

Потом перепрыгнула через перила.

Это было не самым умным решением — она понимала это ещё в воздухе. У неё не было палочки. Дар не раскрыт. Из всего что она умела — слабая природная способность чувствовать существ, которая в драке была бесполезна, и семь лет работы исследователем, которая научила её ориентироваться в незнакомой местности и не паниковать под давлением.

Она приземлилась на мощёный двор, перекатилась, встала.

Один из нападавших обернулся к ней.

— Стой, — сказала Эвара.

Звучало нелепо. Она сама это понимала.

Но нападавший на секунду замер — и этой секунды хватило Валдрине. Жест палочкой, короткий и точный — и он осел на камни, не потеряв сознание, но явно потеряв желание двигаться. Она отразила атаку. Не зная, смогут ли подняться соперники, Валдрина крикнула

— За мной

Не вопрос. Не просьба. Просто команда — короткая, как выдох.

Эвара побежала за ней.

Они нырнули в арку у северной стены — узкий проход, который Эвара помнила смутно. В детстве им пользовались редко, он вёл в хозяйственную часть замка, скучную и нелюбимую учениками. Зато сейчас — никаких нападавших. Тишина, каменные стены, запах сырости и старого дерева.

Валдрина не останавливалась.

Она шла быстро, почти бежала, и Эвара едва попевала — коридоры сменяли друг друга, лестница вниз, ещё коридор, дверь, которую директор открыла без ключа одним касанием ладони. За дверью оказалась небольшая комната — низкий потолок, несколько стульев, стол, заваленный картами и бумагами. Узкое окно под самым потолком пропускало полоску света.

Валдрина закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

Несколько секунд они обе молчали — просто дышали.

— Ты упала сверху, — сказала наконец Валдрина.

— Да, Мис

Директор смотрела на неё — долго, внимательно, с таким выражением, которое Эвара не умела читать. Не удивление. Не радость. Что-то сложное.

— Эвара, — произнесла она наконец.

— Вы меня помните.

— Я помню всех своих учеников.

Эвара не знала, что сказать — слишком много всего было, слишком много слов, которые хотели выйти одновременно и мешали друг другу. Семь лет. Она ушла отсюда семь лет назад ночью, в панике, не попрощавшись ни с кем. Думала, что все погибли. Жила с этим.

— Я думала... — начала она.

— Знаю, что ты думала, — сказала Валдрина. — Мы поговорим об этом. Но не сейчас.

Она оттолкнулась от двери и подошла к столу, начала быстро перебирать бумаги — что-то искала.

— Сейчас мне нужно знать одно. Ты одна пришла?

— Я не приходила намеренно. Я упала.

— Я поняла. Ты одна упала?

— Да. Мои друзья остались наверху.

Валдрина кивнула, не отрываясь от бумаг.

— Те люди во дворе, — сказала Эвара. — Кто они?

— Люди Селеры.

Это имя — произнесённое вслух, спокойно, как обычное слово — что-то сделало с воздухом в комнате. Как будто температура упала на градус.

— Она вернулась, — сказала Эвара.

— Она не уходила. — Валдрина наконец нашла что искала — сложенный лист, который убрала в карман. — Она всё это время собирала силы. Эти нападения — не первое и, боюсь, не последнее.

— Зачем она здесь?

Директор подняла на неё взгляд. Помолчала секунду — совсем коротко, почти незаметно. Но Эвара заметила.

— Это долгий разговор, — сказала Валдрина. — И у нас сейчас нет на него времени. Замку нужна помощь. Ты умеешь сражаться?

— Я исследователь. Мне случалось попадать в разные ситуации.

— Это не ответ.

— Это лучшее что у меня есть.

Валдрина посмотрела на неё ещё секунду. Потом — впервые за весь разговор — в углах её губ появилось что-то похожее на усмешку. Короткое, едва заметное.

— Хорошо, — сказала она. — Этого пока достаточно.

Она шагнула к двери, остановилась, не оборачиваясь.

— И Эвара.

— Да?

— Я рада что ты вернулась. — Даже если ты сама этого не планировала.

Она открыла дверь и вышла в коридор.

Эвара смотрела ей вслед и думала о том, что семь лет — это очень долгий срок. Что за семь лет многое меняется. Что она ушла отсюда ребёнком, напуганным и одиноким, а вернулась — кем? Она ещё не знала.

Но замок был тем же.

И это, как ни странно, помогало.

Она сделала глубокий вдох и пошла следом за Валдриной.

Конец пятой главы.

Глава 6. Дом чародеев

Замок встретил их тишиной.

Не той тревожной тишиной двора, где только что шёл бой — другой. Внутренней, почти живой. Коридоры дышали, светильники покачивались на нитях, где-то далеко капала вода. Замок жил своей жизнью — неспешной, старой, привыкшей к тому что снаружи творится всякое, а внутри всё равно капает вода и качаются огни.

Валдрина вела её быстро, не объясняя маршрута.

Эвара шла следом и смотрела по сторонам.

Замок изменился — и не изменился. Стены были теми же, камень тот же, резьба та же — те же переплетающиеся ветви и крылатые существа, что она помнила с детства, потемневшие от

времени, местами отполированные до блеска от прикосновений тысяч рук. Светящиеся шары всё так же покачивались на невидимых нитях, отбрасывая мягкий золотистый свет на каменные плиты пола.

Но появились новые детали.

Таблички на дверях, написанные незнакомым почерком — где-то аккуратным, где-то торопливым, явно детским. Верёвки с сушёными травами, подвешенные под потолком в переходах — пучки чего-то серебристо-зелёного, источающего терпкий, чуть горьковатый запах, смешивающийся с запахом камня и воска от светильников. Чья-то накидка, брошенная на подоконник — тёмно-синяя, как школьный плащ, небрежно скомканная, забытая второпях. Чьи-то рисунки, прикреплённые к стене у одной из лестниц — неровные, детские, с яркими красками: солнце с слишком длинными лучами, нарисованный замок с непропорционально большими окнами, существо, похожее то ли на снежника, то ли на какого-то зверя, нарисованное явно с любовью, но без особой анатомической точности.

Здесь жили люди.

Дети.

Она услышала их прежде, чем увидела — голоса, смех, какой-то спор, который велся быстро и горячо за одной из закрытых дверей. Где-то в отдалении хлопнула ещё одна дверь, и эхо от хлопка прокатилось по коридору, отразившись от сводчатого потолка и медленно затихнув. Потом первая дверь распахнулась, и в коридор вылетел мальчик лет двенадцати — взъерошенный, с пятном чего-то синего на щеке, с видом человека только что доказавшего важную точку зрения.

Увидел Валдрину. Замер.

— Госпожа директор, — сказал он с достоинством, которое плохо вязалось с синим пятном.

— Миас, — ответила Валдрина тем же тоном. — Что на щеке?

— Опыт.

— Удачный?

Мальчик подумал секунду.

— Частично...

— Иди умойся и возвращайся к занятию.

Он кивнул и исчез за углом так же быстро, как появился — мелькнули пятки, хлопнула ещё одна дверь дальше по коридору, и снова всё стихло, только светильники чуть качнулись от сквозняка, который он оставил за собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.